А. Н. Чубинский (Москва)

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ПИКИНЁРНЫХ КОПЬЯХ» ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА

В НЕСКОЛЬКИХ РОССИЙСКИХ музейных собраниях хранятся копья (копейные наконечники) характерного дизайна и необычной формы, которые, скорее всего, некогда представляли собою серию оружия, изготовленного в одном месте и в одно время (ил. 1)[1]. Обладателем самой большой коллекции таких копий является Государственный исторический музей, также аналогичные предметы хранятся в Музее-усадьбе «Кусково», в Артиллерийском и Центральном военно-морском музеях Санкт-Петербурга; их точное количество нам неизвестно.

Каждое из этих копий имеет наконечник с длинным трёхгранным копьецом, в нижней трети длины копьецо заметно расширяется, его грани переходят в глубокие долы, а рёбра — в широкие лопасти со сквозными фигурными прорезями. Каждая грань копьеца декорирована поперечными косыми долами, превращающими рёбра в волнистые линии. Продольные прорези в лопастях также имеют волнистые края с гравированными растительными мотивами. Трубка (втулка) копья коническая, в нижней части на ней вырезан стилизованный растительный орнамент, средняя часть трубки декорирована резными спиральными желобками. Вверху трубка представляет собой резное изображение головы дракона, из раскрытой пасти которого выходит шейка копья. В нижней части трубки имеются три отверстия для крепежа к древку. Трубка копья определённо железная, копьецо, возможно, имеет стальной сердечник. Сохранившиеся древки копий, с нашей точки зрения, поздние, не имеющие прямого отношения ко времени изготовления наконечников. Размеры наконечников

Ил. 1. Копьё (наконечник) с трёхгранным копьецом и резной головой дракона («змеи») на трубке

незначительно варьируются, общая длина опубликованных предметов колеблется от 56 до 62 см.

В настоящий момент значительная часть копий из собрания ГИМ опубликована в Государственном музейном каталоге РФ, все они определяются как русские пикинёрные копья рубежа XVII—XVIII в.[2] Полностью аналогичное копьё (наконечник) из собрания ЦВВМ считается изготовленным в XVIII в.[3] Однако в публикации 2017 г. этот же наконечник был назван солдатской пикой и датирован концом XVII в.[4] Ещё одно копьё находится в экспозиции ВИМАИВиВС, оно атрибутировано также как пикинёрное копье, состоявшее на вооружении в Преображенском полку Петровского времени. По всей видимости, все эти атрибуции восходят к изданию 1953 г., в котором одно из подобных копий из собрания ГИМ было названо пехотной пикой конца XVII—начала XVIII в., которая служила строевым оружием передних шеренг Преображенского полка до 1721 г.[5] Именно эту информацию воспроизвёл известный оружиевед Ю. В. Шокарев в «Большой энциклопедии оружия», уточнив, что «перо такой пики в верхней части было трёхгранное с глубокими долами и волнистыми краями»[6].

Определение этих копий как оружия пикинёров крайне не убедительно. Во-первых, наконечники пехотных пик должны обязательно снабжаться пожилинами[7], которые на описываемых образцах отсутствуют (трубка могла крепиться к древку лишь тремя гвоздями). Во-вторых, длинное и тонкое копьецо не может являться поражающим элементом пехотного копья, перо которого, как правило, короткое, рассчитано на останавливающее действие. Наконец, описываемые предметы являются подчёркнуто парадными и декоративными, крайне непростыми в изготовлении, что немыслимо для строевого оружия, пусть даже гвардейского.

Радикально иная атрибуция имеется у ещё двух подобных наконечников из московского музея «Кусково» (длиной 58,5 и 58 см, со следами золочения), которые определены как изготовленные в индо-персидском регионе в XVI в.[8] Автор этой

атрибуции, надо думать, имел в виду часто встречающийся в декоре восточного оружия мотив, в котором изображение хищника или чудовища с раскрытой пастью является как бы ограничителем, отделяющим собственно боевую часть оружия от вспомогательной.

В настоящий момент копейные наконечники из музея «Кусково» являются навершиями знаменных древков, на которых укреплены русские прапоры конца XVII в. с изображениями двуглавого орла и крылатых драконов. Надо полагать, что именно эти два экспоната невольно послужили причиной усугубления гипотезы об оружии русских пикинёров. Исследователь А. В. Чернушкин опубликовал прориси прапоров в качестве пик гвардейских полков 1700—1732 г., снабжённых прапорцами с изображениями государственного герба[9]. О парадных пикинёрных пиках нам ничего не известно, в равной степени сложно представить пехотную золочёную «спису» с расписным полотнищем длиной заметно более метра. С нашей точки зрения, эти два предмета из музея «Кусково» должны проходить по ведомству вексиллологии. Их металлические навершия — предметы, скорее, оружейные — вряд ли могли быть изготовлены специально для этих прапоров. Наверняка они были установлены на знамённые древки относительно случайно, в силу своей несомненной декоративности. На практике навершием знамени могли служить самые разные предметы, в том числе боевые копейные наконечники. Так, древки двух знамён из собрания Музеев Кремля увенчаны вполне функциональными пиками от пехотного древкового оружия[10], что, разумеется, не даёт основания определить знамёна в целом как предметы вооружения.

Если отвлечься от декоративной составляющей описываемых копий и треугольного сечения копьеца, их общую форму можно определить как характерную для кавалерийского оружия, с относительно короткой трубкой и длинным шиповидным копьецом[11]. Копья подобной формы были рассчитаны исключительно на колющий проникающий удар, а крепление трубки к древку гвоздями иногда вообще не было предусмотрено. Принадлежащие к этому типу русские боевые копья чаще всего имели поражающую часть квадратного сечения, однако в Музеях Кремля (как и в Оружейной палате XVII в.) хранятся и трёхгранные в сечении копья с лопастями в нижней части копьеца[12].

Трёхгранные копья редко встречаются среди русского оружия, происхождение которого не связано с царской оружейной казной. Наиболее ранние образцы, о которых мы имеем какое-то представление, происходили из арсенала князей Мстилавских 1622 г.[13], это «копьё руское на черкаское дело троегранное, [перо] и яблочко и тулея наведено золо[том]... копьё троегранное булутное, меж граней [ми]шени наведены золотом»[14]. Их изготовление можно отнести к XVI — началу XVII в. В документе, датированном апрелем 1670 г., сообщалось, что «зделано в Оружейной полате сто копей железных сталных троегранных с перьями, и велено те копья вооружить на длинные деревья кленовыя и ясеневые», указывалась длина древка — шесть аршинов; неясно, были ли эти древки в результате изготовлены[15].

Согласно документу 1671 г. о пожаловании донских казаков, двум атаманам из Оружейной палаты «было отпущено... два копья кумыцкие, троегранные, деревья на тростяное дело»[16]. Название «кумыцкие» не указывает на происхождение оружия, скорее всего, эти два копья входили в число вышеупомянутых ста, изготовленных в Оружейной палате к 1670 г.[17] Определения «кумыцкие копья» и «копья русского на черкасское дело» дают основания предполагать, что кавалерийские оружие с трёхгранным копьецом и лопастями исходно было заимствовало русскими у северокавказских народов.

Оружие, сходное с искомым, числилось в Переписной книге царской оружейной казны 1687 г.: «Копьё троегранное тулея осмигранное... от тулеи глава змеиная, из главы копьё... цена копью три рубли с полтиною»; «два копья троегранные стальные наведены золотом и серебром местами, тулеи круглые наведены золотом же и серебром, яблочки посеребрёны; цена им по два рубли с полтиною»[18]. Предмет, у которого «копьё троегранное... от тулеи глава змеиная, из главы копьё», к сожалению, нельзя сблизить с описываемой группой, так как согласно описанию у него была гранёная, а не «витая» трубка. Но это оружие имело полностью аналогичный дизайн. Документы Оружейной палаты указывают также одно имя мастера, который изготавливал подобное оружие. В начале 1680 г. боярину В. В. Голицыну из царской казны в числе прочего парадного оружия было выдано «копьё стальное Борискова дела Крыгора, у трупки голова змеиная позолочена, из головы копьё на три грани, трубка через грань золочёна и серебрёна, длина копью и с трубкою аршин... цена два рубли»[19]. Длина

Ил. 2. Копьё работы Никиты Давыдова. Оружейная палата, 1630—1640-е гг. Музеи Московского Кремля

Ил. 3. Орнаментация трубок копья Никиты Давыдова и «змеиного» копья

этого копья не может служить подтверждением его принадлежности к описываемой серии, как и гранёная трубка. Но крайне ценную информацию дает нам приведённое в документе имя оружейника. Борис Крыгор — мастер-иноземец, работавший в царских мастерских в 1656—1693 гг., долгое время являлся учеником Никиты Давыдова (?—1664), однако так и не достиг высот в оружейном деле[20]. По специализации он был замочником и «прорезных дел мастером», с современной точки зрения его можно уподобить слесарю-фрезеровщику.

Ключевым памятником при атрибуции серии описываемых копий, которые мы далее будем условно именовать «змеиными», является небольшой копейный наконечник длиной 24,5 см (ил. 2) из собрания Музеев Кремля. В документах XVII в. он, возможно, мог носить наименование сулицы или гротика (знамённого навершия)[21]. Анализ орнаментации этого копья позволил нам заключить, что оно выполнено известнейшим мастером Оружейной палаты Никитой Давыдовым в 1630—1640-е гг.[22] Дизайн его трубки аналогичен резному оформлению описываемой группы «змеиных» копий, при этом почти точно совпадает стилизованный растительный орнамент в нижней части трубок (ил. 3). Но качество резьбы на серии трёхгранных копий заметно ниже, чем на «сулице» Никиты Давыдова. Эти наблюдения позволили нам первоначально предположить, что «змеиные»

копья были изготовлены мастером Оружейной палаты Борисом Крыгором, который повторил дизайн копейной трубки, разработанный своим учителем Никитой Давыдовым, и использовал его в качестве образцового.

Однако невероятно, что все отложившиеся в музеях России «змеиные» копья, которых сейчас имеется около двух десятков, были сделаны лично Крыгором от начала и до конца. Это очень большая работа, которую в обозримое время один мастер выполнить не способен. Кроме того, манера резьбы и гравировки, декоративные нюансы — существенно отличаются на разных предметах. Это говорит о том, что в создании серии копий участвовал не один мастер. Наверняка в Оружейной палате существовал точный образец «змеиного» копья (с трёхгранным копьецом и заметно большими размерами, чем наконечник Никиты Давыдова), который повторяли другие мастера царских мастерских. Лишь этим можно объяснить сходную длину копий и точное следовании единому дизайну. Скорее всего, заготовки копий были откованы и начерно обточены кузнецами Оружейной палаты (или Ствольного приказа — подразделения Оружейной палаты, ориентированного на исполнение крупных серий оружия), а резьба выполнена мастерами Оружейной палаты более высокой квалификации. О существовании практики разделения труда при работе над копьями можно судить по двум документам из архива Оружейной палаты, в которых упоминается оружие из пасхального подношения царю Алексею Михайловичу в 1674 г. Согласно одному документу мастер «Кузьма Туленин делал во 182-м году два копья красного железа»[23], согласно другому эти же предметы значатся как «два копья красного железа позолочены, делали Борис Крыгор да Кузьма Туленин»[24]. Очевидно, что Туленин ковал копья, а Крыгор отделывал.

Чтоб работа над большой серией копий могла быть завершена в приемлемые сроки (скажем, несколько месяцев), количество мастеров, орнаментировавших трубки, должно быть внушительным. Очень примерно мы можем оценить комплекс работ с одним копьем в месяц, примерно столько времени тратил мастер Оружейной палаты для изготовления и отделки ствола охотничьей пищали[25].

Вопрос о датировке «змеиных» копий можно решить следующим образом. Помимо упомянутого небольшого копья работы

Никиты Давыдова, источниками змеиных мотивов для исследуемой группы оружия наверняка послужили некоторые стволы огнестрельного оружия работы царских мастеров первой половины — 70-х гг. XVII в. Наиболее декоративные образцы огнестрельного оружия (пищалей, карабинов и пистолетов) работы ведущих самопальных мастеров, начиная со ствольщика первой половины XVII в. Тимофея Лучанинова, имели стволы, дульные части которых представляли собой рельефные изображения голов драконов (в документах они назывались змеями) с выходящим из пасти дулом. Большая часть таких стволов была изготовлена в 1650—1670-е гг. Это дает основания датировать «змеиные» копья третьей четвертью XVII в. Ниже мы постараемся дать ещё более точную датировку копий.

Нам хорошо известны имена тех ствольщиков Оружейной палаты, которые во второй половине XVII в. делали стволы со «змеиными» дульными частями. Это Никита Давыдов, Григорий и Афанасий Вяткины, Ермолай Фёдоров, Василий Титов, Филипп Тимофеев, Бартел Кинеман, Никифор Кобелев и Игнатий Прохоров. Детальное сравнение манеры резьбы на этих стволах с отдельными «змеиными» копьями, возможно, позволит выявить среди последних авторские произведения (за исключением Никиты Давыдова, умершего в 1664 г).

Ил. 4. Навершие знамени работы Бориса Крыгора (?). Оружейная палата, 1660 —1670-е гг. (?) Музеи Московского Кремля

Наверняка среди орнаментировавших копья мастеров был Борис Крыгор, но найти его наконечники затруднительно, так как другие его произведения определяются предположительно и не имеют рельефных орнаментальных композиций[26]. Однако мы можем привести один аналог, который помог бы в будущем выявить его работы среди исследуемых копий. Это железное ажурное навершие знамени со «змеиной» трубкой[27], с большой вероятностью, выполненное Борисом Крыгором (ил. 4). Из документов известно, что этот мастер, специализировавшийся на просечной работе, выполнял знамённые «гротики», например, в 1669 г. упоминается

«прапор, на нём писан по белой тавте архангел Михаил, к прапору гротик прорезной с крестом золочён, серебрён, делал Бориско Крыгор»[28].

Ещё одно важное положение нашей статьи — широчайшее распространение змеиных мотивов в декоре оружия в царских мастерских XVII в. Прорезные металлические наконечники со змеями являются лишь одним из вариантов «змеиного» дизайна копий. Речь идет массовом изготовлении в Оружейной палате в первой половине 1670-х гг. других «змеиных» копий, на которых изображения змей изготавливались из ткани (и других материалов) и крепились к древкам. Это оружие описано, например, в часто цитируемой книге члена польского посольства 1674 г. Бернгарда Таннера. При въезде в Москву посольство встречал «невиданный дотоле отряд воинов; цвет длинных красных одеяний был на всех одинаков, сидели они верхом на белых конях, а к плечам у них были прилажены крылья, поднимавшиеся над головой и красиво расписанные; в руках — длинные пики [в латинском оригинале *hastas,* «копья». — *А. Ч.*], к концу коих было приделано золотое изображение крылатого дракона, вертевшееся по ветру; отряд казался ангельским легионом»[29]. Большинство исследователей в этой цитате уделяло внимание крылатым всадникам, но нас больше интересует древковое оружие. Мы можем детализировать изображение «крылатого дракона», опираясь на архив Оружейной палаты.

Нижеприведённые документы показывают, что на древках упомянутых копий кожаными ремнями были укреплены «бумажные» (хлопчатой ткани) или тафтяные (шёлковые) змеи с жестяными крыльями и языками, стеклянными глазами, украшенные также серебряной фольгой. Возможно, они также имели металлический каркас. Их количество измерялось десятками. Идея помещения на древки изображений змей, «вертевшихся на ветру», возможно, была заимствована у прапоров с длинными хвостами, в которых изображались крылатые змеи или драконы[30].

Раннее упоминание сходного по теме декора копий относится к 1656 г., когда плотник «Оська Бельской... древко починивал, что змеею, 2 дни», а его коллега Григорий Гаврилов «в прошлом во 164-м году в Оружейном приказе... к потешному древку змейку починивал 3 дни»[31]. Заметно чаще документы о «змеином деле на копьях» встречаются в первой половине 1670-х гг.[32], особенно в начале 1675 г.[33] Интересно, что в том же 1675 г. пошивом

змей для древов руководил живописец Оружейной палаты Иван Безмин[34], а работу выполняли, по всей видимости, мастера Казённого приказа: «Генваря в 1 день... Ивану Безминову шолку сучёного вишнёвого по весу двенатцать золотников, тем шолком шили портные мастеры семьдесят змей на копья сокольником к выезду персицких послов»[35].

Копья со змеями упоминались в документах при выдаче царским сокольникам и конюшенным чинами для парадных посольских встреч и в 1680-е гг.[36] В 1687 г. в Оружейной палате хранилось «сто пятьдесят змей тафты розных цветов шиты шумихою, цена по шеснатцать алтын по четыре деньги»[37], а к 1711 г. осталось размонтированных «124 змеи худых старинных выезжих перед послов»[38].

Упоминание живописца Ивана Безмина, курировавшего изготовление тканевых змей в начале 1675 г., может помочь в точной датировке описываемой серии «змеиных» копий. Из документа 1670 г. следует, что на двор боярина Н. И. Романова (являвшийся одним из хранилищ Оружейной палаты) было передано «сто дватцать копей наводных золочёных и простых»[39], а ответственным за это оружие был также Иван Безмин. Можно предположить, что это те же самые копья, древки которых дополнительно украшались змеями в 1675 г., следовательно, сами наконечники («наводные золочёные») были полностью отделаны уже в 1670 г.[40]

Таким образом, история «змеиных» копий видится нам следующим образом. Заготовки для них — упомянутая выше сотня «троегранных» копий — были изготовлены в Оружейной палате (или Ствольном приказе) к апрелю 1670 г., и в том же году группой царских мастеров, преимущественно ствольщиков, несколько десятков этих копий были орнаментированы и позолочены. В дальнейшем «змеиные» наконечники устанавливались на разные древки и дополнялись различным декором — с тканевыми змеями или же с парадными чехлами. К сожалению, источники не дают ответа на вопрос о личном участии Безмина в «змеином деле»; он мог расписывать как древки, так и тканевые изображения на последних. Это оружие неоднократно выдавалось из Оружейной палаты для участия в торжественных воинских церемониях. Апофеозом «змеиных» копий можно считать масштабную кампанию по встрече иранских послов 29 января 1675 г., в ходе которой «ехали ближние люди по указу великого

государя через дворец, а великий государь изволил сам смотреть из столовой полаты с бояры и с околничьи... А перед ближними людьми ехали наперёд две сотни конюшенного чину, а все ехали в куяках да в латах с пищалми, с турками и корабины. А за ними ехали соколничьи сотни в пансырях и с щиты в крыльях и *с копьи с змеиными* (курсив наш. — *А. Ч.*). А за ними ехала выборная сотня вся в большом наряде, а лошади были у всех с гремячими чепми и с поводными»[41]. У нас нет оснований считать, что все копья, которыми были вооружены «сокольничьи сотни» помимо тканевых змей имели «змеиные» наконечники (общее количество последних не могло превышать нескольких десятков). Но также невозможно предположить, что такие наконечники вообще не были использованы на древковом вооружении сокольничих, так как в Оружейной палате никогда не было другой столь же яркой группы парадных копий.

Соседство на одном предмете резной змеи на металлическом наконечнике и тканевой змеи на древке для современного человека кажется избыточным, но для XVII в. многократное использование одного и того же образа, скорее, усиливало выразительность и значимость вещи. Также змея на древке не исключала использование других декоративных деталей, как, например, «чехлы с лопастями» и бахрома. Судя по отрывочному документу 1680 г., такие детали массово устанавливались на копья со змеями: «Копьи на лице и змеями: 151 копьи змеями и в том числе нет 56 лопостей, а к тому делу надобно х копьям починки... 100 ремней денежного, 100 ременей полденежного, 50 листов белого железа [жести], 200 листов шумихи [фольги. — *А. Ч.*]... 150 копьи и з железами и [з] змеями, а в том 54 не было и снурки и ныне не были и бахрамы испорчены и шумихи на змеи испорчены были; 44 змеи без копьев и без лопостей и без бахрамы и иные змеи головы испорчены и шумиха испорчена...43 змеи без копьев и без лопостей и без бахрамы и иные змеи головы испорчены»[42]. Какая-то часть этих лопастей была изготовлена в Оружейной палате в 1672 г. из обрезков тафты[43]. Скорее всего, в приведённых цитатах речь шла о декоративных чехлах-кутазах с подвесными лентами, имитировавшими кисти парадного древкового оружия[44]. С нашей точки зрения, подобные чехлы также именовались каптурцами; в 1687 г. в Оружейной палате хранилось «Восмнатцать копей на древках около копей каптары тафта жаркой, бохрама около каптуров шолк жёлтой, лопасти тофтяные белые, древки

Ил. 5. Трактовка русских всадников со «змеиными» копьями в «Историческом описании одежды и вооружения российских войск» А. В. Висковатова. 1841 г. Т. 1. Ил. 105

писаны розными красками, в том числе четыре древка витые, цена по дватцати по три алтына по две деньги», а также «пятьдесят каптурцов копейных тафтяные алые, лопости тафтяные белые, бахрама шолк соломенной цвет; цена по три алтына по две деньги»[45].

Подчеркнём, что описываемые предметы оружия как при изготовлении, так и в течение всего времени пребывания в ведении царской казны всегда выступали именно как копья, но не пехотные пики, а также не имели отношения к знамёнам, — не соседствовали ни с прапорами, ни с тканевыми значками или вымпелами.

В Переписной книге 1687 г. и более поздних описях Оружейной палаты «змеиные» копья уже не числятся (в отличие от тканевых змей и чехлов-каптурцев). Следовательно, оружие в какой-то момент было размонтировано, наконечники с древками или без них покинули царскую казну, вероятнее всего, были выданы в действующую армию. Об этом косвенно свидетельствует имущество стрелецких полков, которое было потеряно в битве при Салатах в 1703 г. и в настоящее время хранится в Музее армии в Стокгольме[46].

Множество трофейных прапоров, взятых шведской армией в этом сражении, имеет близкое сходство с хранящимися в музее «Кусково»[47], по меньшей мере два из них[48] представляют наибольший интерес для нашего исследования, — в качестве их наверший использованы характерные наконечники русских кавалерийских копий XVII в., которые по пропорциям полностью сходны со «змеиными» копьями. Также трофейные предметы подтверждают, что живописные изображения крылатых драконов и змей активно использовалась на русских прапорцах рассматриваемого периода времени[49].

Непосредственная связь «змеиных» копий со знамёнами заставляет взглянуть на первые как особый предмет с символическим наполнением. Объём нашей статьи не позволяет подробно рассмотреть символику совокупного образа, включающего змею и копьё. Очевидно, что последний мотив, свойственный для христианских сюжетов о святых воинах-змееборцах, обладает гораздо большей исторической глубиной, восходящей к дохристианскому мифологическому пласту. Эта тема требует отдельного исследования, выходящего далеко за рамки исторического оружиеведения. Парадоксально, но упоминавшиеся русские всадники с крыльями (которые, со всей очевидностью, были

заимствованы у польской тяжёлой кавалерии) в символическом плане уподоблялись крылатым драконам благодаря своему вооружению — «змеиным» копьям.

---

[1] Автор искренне благодарит А. Ю. Самойлова за рисунки, выполненные для этой статьи.

[2] ГИМ, инв. № 1480 ор, 4919 ор, 4920 ор, 4922 ор, 4924 ор, 4927 ор, 4928 ор, 4930 ор, 4931 ор, 4932 ор. 5001 ор. Номера в Госкаталоге 4663083, 4672646, 4677298, 4667688, 4667730, 4672234, 4668074, 4668598, 4668685, 4674752, 4677127. Все эти копья хранятся в фондах музея. Автор выражает благодарность И. Н. Палтусовой и Т. В. Чистоноговой за возможность осмотра копий.

[3] ЦВММ, инв. 19 Х-525. Номер в Госкаталоге 20582998.

[4] Леонов О. Г., Устьянов А. Л. Строевое холодное оружие русской армии и флота. 1700—1881 гг. Справочник. М., 2017. С. 468.

[5] Денисова М. М., Портнов М. Е., Денисов Е. Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI—XIX веков. М., 1953. С. 40, табл. VII, № 56.

[6] Шокарев Ю. В. Большая энциклопедия оружия. М., [2008]. С. 120—121.

[7] Рекомендация из «Учения и хитрости ратного строения...» 1647 г.: «Окову на пиках бытии с конца полосам железным... пяти пядей длиною». См.: Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. 1647 г. СПб., 1904. С. 108.

[8] Музей-усадьба «Кусково», инв. № ПР 92/1-2, 93/1-2. Номера в Госкаталоге 13749739, 13749783, 13749737, 13749763. Приведённые номера относятся как к наконечникам, так и к прапорам, на древках которых они установлены.

[9] Чернушкин А. В. Русская армия XVIII—XIX веков. 1700—1801. Пехота — Кавалерия — Артиллерия. 1801—1825. Гвардейская и армейская пехота. М., 2004. С. 8—9.

[10] См.: Голованова М. П. Знамёна второй половины XVI—XX века. М., 2019. Т. 2. С. 22, кат. № 288; С. 33, кат. № 293.

[11] Генетически они восходят к древнерусским жаловидным копьям X—XII вв., выявленным А. Н. Кирпичниковым. См.: Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. С. 7, 15. Тип V.

[12] Чубинский А. Н. К вопросу о русских названиях древкового средневекового оружия. Рогатины, копья, сулицы и совни // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой международной научно-практической конференции. СПб., 2016. Ч. V. С. 330.

[13] Чубинский А. Н. Об оружии князя Ф. И. Мстиславского, взятом в Оружейную палату в 1622 году // Историческое оружие в музейных и частных собраниях. Вып. 1. М., 2018. С. 252.

[14] Роспись казны, что взято на государя со двора боярина князя Ф. И. Мстиславского. 1622. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 1. Д. 674. Л. 14.

[15] О сделании в Оружейной палате ста копий железных стальных троегранных и воорудить на длинные деревья кленовые и ясеневые. 14 апреля 1670. Там же. Д. 12706. Л. 1.

[16] Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов / Сост. Е. А. Швецова. М., 1962. Т. 3. С. 99, № 92.

[17] Чубинский А. Н. К вопросу о русских названиях древкового средневекового оружия. С. 330—331.
[18] Переписная книга 1687. Л. 198, № 4, Л. 200, № 9.
[19] О выдаче из Оружейной палаты боярину князю В. В. Голицыну шапки булатной ерихонки, зерцала, наручей булатных, копья стального наводного. 28 января 1680 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 18983. Л. 2—3.
[20] Е. А. Яблонская, С. П. Орленко. Западноевропейские оружейники в Оружейной палате XVII века // Материалы и исследования. Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”». М., 2018. Вып. 28. С. 74—79.
[21] Чубинский А. Н. К вопросу о русских названиях древкового средневекового оружия. Рогатины, копья, сулицы и совни. С. 316—317.
[22] Чубинский А. Н. Мастер Никита Давыдов и история отечественного оружиеведения [в печати].
[23] Роспись Оружейной палаты мастеровым людям, которые делали разные подносные вещи в 182-м и 183-м годах. 1675. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15621. Л. 19.
[24] О поднесении для св. Пасхи царю Алексею Михайловичу разных вещей сделанных в Оружейной палате по наряду в поднос. Апрель 1674. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 14946. Л. 8.
[25] Гордеев Н. В. Оружие // Оружейная палата / Под ред. Н. В. Иванова. М., 1964. С. 55.
[26] Е. А. Яблонская, С. П. Орленко. Западноевропейские оружейники в Оружейной палате XVII века.
[27] См.: Голованова М. П. М., 2019. Т. 1. С. 290, кат. № 133. В этом каталоге навершие датировано концом XVII в.
[28] Опись, что на праздник светлой Пасхи великому государю Алексею Михайловичу сделано в Оружейной палате по наряду всяких оружейных разных дел мастеровыми людьми. 1669. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 12267. Л. 1.
[29] Таннер Б. Описание путешествия Польского посольства в Москву в 1678 году. М., 1891. С. 44.
[30] См., например, изображения крылатого змея на прапоре последней четверти XVII в.: Голованова М. П. Знамёна второй половины XVI — XX века. С. 273, кат. № 125.
[31] О выдаче плотнику денег за сделку им разных дел Ружейной палаты и прочего. 1656. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5693. Л. 1.
[32] Выписки, по коим выдано было денег мастеровым и торговым и разных чинов людям за покупные товары и материалы в Оружейную палату для всяких государских верховых и оружейных дел. 1672. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 13799. Л. 9—9 об.; О написании древка потешного, которое с змейкою по золоту разными цветами и красками. Март 1673. Там же. Д. 14231. Л. 1—2.
[33] О покупке разных материалов к змеиному делу на копья. 13 января 1675. Там же. Д. 15369. Л. 1—2; О покупке хлопчатой бумаги для делания змей на копья к выезду Персидских послов. 25 января 1675. Там же. Д. 15400. Л. 1.
[34] О сделании к выезду персидских послов на копья 70 змей в тафтах разных цветов, а делать велено живописцу Ивану Безминову. 8 января 1675. Там же. Оп. 1. Д. 15352. Л. 1.
[35] Приходная и расходная книги волочёному золоту и серебру, шёлку, краскам и другим припасам. 1659—1676. Там же. Оп. 2. Д. 951. Л. 80—81.

[36] О покупке разных товаров к оружейной броне, которую велено сделать для встречи свейских послов. 1683. Л. 1, 5, 9, 24, 32. Там же. Оп. 1. Д. 21933. Л. 1, 5, 9, 24, 32.

[37] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям в 1687 г. Там же. Оп. 2. Д. 936. Л. 699 об.

[38] Опись оружию и оружейным припасам после бывшего мастера Константина Аббакумова. 1711. Там же. Д. 942. Л. 9.

[39] Запись допроса живописца Ивана Безмина о приёме им копий наводных золочёных на двор боярина Никиты Ивановича Романова. 1670 (?). Там же. Оп. 1. Ч. 50. Д. 52101. Л. 1.

[40] К сожалению, цитированный документ 1670 г. не имеет более точной датировки, одно только указание месяца могло бы существенно повлиять на нашу гипотезу.

[41] Дворцовые разряды. СПб, 1852. Т. 3. 1645—1676. С. 1192.

[42] О присылке в Приказ холопья суда из Оружейной палаты мастеров для оценки животов боярина князя Ивана Воротынского. 1680. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 19411. Л. 2—4.

[43] Выписка о выдаче жалования кормовых денег Казённого приказа портным мастерами за сделание ими в Оружейной палате под железные щиты подкладок кумачных красных и к копьям лопастей. Ноябрь 1672. Там же. Оп. 2. Д. 13572. Л. 1—4; Выписка о взятии из Казённого приказа в Оружейную палату на лопасти к копьям лоскутьев тафтяных разных цветов. 17 Ноября 1672. Там же. Д. 13586. Л. 1—2.

[44] О кутазах (кутасах) см.: Романов М. Ю. Несколько комментариев к определениям старинных терминов «тощее древко», «подзнамённое копьё», «чехол», «лопасть» // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18—20 мая 2016 г. СПб., 2016. Ч. IV. С. 441—442.

[45] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям в 1687 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. 1687. Л. 200 об., 699 об.

[46] См.: Великанов В. С. «Салатские трофеи». Полковое имущество стрелецких полков Нечаева и Протопопова, потерянное в сражении при Салатах. 1703 // Старый Цейхгаух. 2013. № 2 (52). С. 3—13.

[47] Это ценное наблюдение было сделано М. П. Голованoвой.

[48] Музей Армии (Стокгольм), инв. № ST 23:282,1; ST 23:289,1. https://digitaltmuseum.se/011024443228/lansfana; https://digitaltmuseum.se/011024443408/lansfana. Автор выражает благодарность М. Ю. Романову за консультацию и предоставление этих ссылок.

[49] Знамёна со змеями были представлены даже в классической оружейной публикации XIX в. См.: Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1841. Ч. 1. Ил. 91.